

АЛЕКСЕЙ ЗОРИН

КУРЬЕР

ТЕМНАЯ НОЧЬ ДУШИ

Алексей Зорин

Курьер. Темная ночь души

<https://litres.ru/69356995>

SelfPub; 2025

Аннотация

По засыпанной песком Москве идет курьер Алена. В поисках своего брата ей предстоит преодолеть нелегкий путь через мертвый город, подвалы которого наполнены кровожадными созданиями, а поверхность, превратившаяся в пустыню, таит еще большие опасности. Но главные испытания ждут ее внутри собственного подсознания.

Это ее Путь. Ее Темная Ночь Души.

*Тёмная Ночь Души - согласно Свиткам Мёртвого Моря период в жизни человека, когда он проходит наиболее сильную трансформацию.

Содержание

Глава 1. Миллиметры.	4
Глава 2. Город сорок два.	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Алексей Зорин

Курьер. Темная ночь души

Глава 1. Миллиметры.

*«Пустыня в тебе свернулась кольцами змеи,
За каждым твоим движеньем пристально следит...»
Маргарита Пушкина*

Пространство было искажено до неузнаваемости. Прямо по центру Ленинского проспекта, слизав с растрескавшегося асфальта песчаные барханы, зияла чернота размером с пятиэтажку. Казалось, она вкручивалась сама в себя, неумолимо всасывая все окружающее и меняя до неузнаваемости вид привычного Ленинского. Асфальт вокруг вздыбился, и по его осколкам можно было представить, как в момент появления Черной Дыры он, вместе со всеми окружающими предметами, был втянут внутрь непонятной, неумолимой силой. Здания вокруг причудливо изогнулись, и по этим изгибам можно было понять, где заканчивается зона притяжения Дыры. Бетонные балки и кирпичи были выкорчеваны из стен, и те, что попали под влияние неведомой силы давно исчезли в прожорливой пасти. Все, что попадало в зону притяжения

Дыры поглощалось ей навсегда. Она втягивала в себя вездесущий песок, куски зданий, асфальт, землю, даже солнечный свет. Мир вокруг тускнел градиентом, возвращаясь к нормальной яркости лишь по мере удаления от центра Дыры.

Алена и Ваня опасливо замерли на почтительном расстоянии, и теперь безмолвно наблюдали за этой темной бездной. Тьма была притягательна. Тьма манила. И вместе с тем было ясно – Тьма есть сама смерть.

Внезапный порыв ветра поднял у ног ребят несколько песчинок и, швырнув их на несколько метров ближе к дыре, утих. Но песчинки продолжили жить своей жизнью – они уже попали на границу зоны притяжения Дыры. Алена видела, как они едва заметно задрожали, сначала немного, но с каждой секундой увеличивая амплитуду. В какой-то момент сила трения, благодаря которой они удерживались на месте, начала проигрывать силе притяжения Дыры, и песчинки медленно начали ползти к своей неминуемой гибели. Теперь ничто не могло вырвать их из лап могучей силы – это было последнее, неотвратимое движение.

Алена подумала, что люди сейчас словно эти песчинки, оставшиеся от бескрайних барханов. Продолжают цепляться изо всех сил за жизнь, хотя путь их определен и ничего не изменить. Они стремительно несутся в бездну, подобную этой страшной черноте. Никто не знает откуда она появилась, никто не знает, что там. Ясно одно: путь человечества завершится подобной пустой тьмой.

Песчинки быстро набрали скорость, и, вместе с блекнущими лучами света, исчезли в пасти Дыры. Ваня и Алена не сговариваясь сделали шаг назад, завороченно наблюдая эту картинку. От Дыры веяло вселенской жутью.

Алена тихо ругнулась. Черной Дыры не было здесь еще неделю назад, когда она доставляла посылку на Театральную. И сейчас нужно вновь менять маршрут, а это снова потеря времени.

– Обойдем дворами, – хмуро бросила девушка и накинула на плечи лямки рюкзака. Ваня вздохнул, но послушно поплелся следом, загребая ногами. Дыра мрачно смотрела бездонным глазом им вслед.

Снова вездесущий песок. Он лежал под ногами, кружился вихрями в воздухе вместе с потоками горячего ветра, скрипел на зубах. В песке утопали сталинские высотки, стоящие по обеим сторонам Ленинского проспекта, засыпанные кое-где до второго этажа; опустевшая «Пятёрочка», библиотека №169, в которой давно уже никто не читал книги, кофейня с покосившейся вывеской «24 часа». Пустыня поглощала все, до чего могла дотянуть свои иссохшие культы. Алена даже подумала, что, если долго стоять на одном месте – пустыня поглотит и ее.

Полуденное солнце грозило сжечь дотла. Жар, словно

расплавленный воск, лился с неба, отражался от выгоревших стен домов, поднимался снизу от раскаленного песка и растрескавшегося асфальта, обнаженного в тех местах, где особенно свирепствовали ветра. Ноги словно погружались в расплавленный металл, жар которого чувствовался даже сквозь толстые подошвы туристических ботинок. Можно привыкнуть ко всему, подумала Алена. К тому, что теперь на доставку уходило раза в два больше времени из-за песка, засыпавшего дороги. К тому, что ранее многолюдный город практически полностью вымер — хотя это знание давалось с трудом, особенно когда Алёна попадала в какой-нибудь двор, где провела беззаботное детство. Привыкаешь даже к постоянной опасности, которой грозит каждый без исключения темный подъезд, каждый двор и каждый новый изгиб дороги. В конце концов, человек привыкает ко всему, как бы тяжело ему это ни давалось.

Но к жаре, к этой чертовой испепеляющей жаре, привыкнуть невозможно.

Где-то там, под метровыми залежами песка, словно под сгоревшим слоем пирога, забытым нерасторопной хозяйкой в раскаленной печи, лежала земля. Истосковавшаяся по воде, иссохшая, покрытая трещинами. А может, там, внизу, были живительные ключи.

Последнее время было все меньше желающих выходить на поверхность. Ночью ни один человек в здравом уме на улицу не сунется. Днем палящее солнце грозило если не сжечь, то

высушить до дна, словно опустевший сосуд. Ходить по раскаленному песку такое себе удовольствие, да к тому же можно нарваться на банду мародеров, хотя их тоже почти не стало. Курьеров грабить – себя не уважать, потому что случись что – сам воспользуешься их услугами. А в дома, магазины и вообще любые помещения рисковали заходить только самые отчаянные и изголодавшиеся. Уж лучше умереть голодным, чем...

Алена поправила солнцезащитные очки. То, что раньше было модным аксессуаром, теперь были жизненной необходимостью – если, конечно, ты не хотел ослепнуть от осточертевшего песка, отражающего солнечные лучи. Голову Алены обвивал длинный платок, закрывающий от обжигающих лучей шею и плечи. Потертые куртка и футболка не примечательного серого цвета дополняли повседневную одежду. Прошли времена, когда у курьеров была форма, выдаваемая на работе. Больше не было начальников, теперь каждый был сам за себя. А лучшей формой была та, что удобна и незаметна, чтобы в случае чего затеряться в грязно-желтых песках или у серых стен домов от ненужных взглядов.

Лямки натирали плечи, тяжелый баул с полу стёршейся надписью «экспресс-доставка» бил по спине. «Надо бы подшить лямки» – подумала Алена, и сама себе усмехнулась. Лямки растянулись уже как пару месяцев, и каждый раз, когда она выходила на доставку, рюкзак напоминал о себе отбитой спиной. Но приходя на очередную точку, после цело-

го дня путешествия по занесенному песками городу, Алена забывала обо всем кроме одного – сон и еда. Она скидывал надоевший рюкзак, совершенно забывая о лямках, и в следующий раз вспоминала о них только когда надо было уже собираться в дорогу и перешивать что-то было поздно.

Обычно она доставляла от одного убежища в другое бытовые вещи – лекарства, семена для посадки, инструменты, детали непонятных ей механизмов. Впрочем, она никогда и не интересовалась тем, что покоилось в рюкзаке за ее спиной. Курьеров осталось мало, и тем, кто еще готов был выходить под палящее солнце, платили хорошо.

Работа была нелегкая, но уж лучше так, чем гнить заживо под землей. Алена терпеть не могла спертый воздух темных бункеров, узкие коридоры, приглушенные всхлипывания соседей. В убежищах экономили всё, особенно свет и воду, поэтому зачастую приходилось передвигаться в темноте, а ее Алена не любила. С детства она не могла оставаться одна, и когда мама выключала свет и закрывала дверь в ее комнату, начинала плакать. Сейчас, конечно, такого уже не было, но при мысли о том, чтобы остаться одной в темноте у нее начинало сосать под ложечкой. А мысли о маме откликнулись глухой тоской в груди. Захотелось прижаться к ней, обнять, уткнуться в золотистые волосы и ни о чем не думать.

Алена быстро одернула себя – не время расслабляться. Мало того, что в этом мире вообще надо все время быть на чеку, так теперь ей еще надо постоянно думать за брата. Она

оглянулась – Ванька тяжело волочил ноги по песку, повесив голову, с носа срывались крупные капли пота. Алена вздохнула.

В абсолютной тишине, повисшей в горячем воздухе, солнце нещадно жарило, ноги порой увязали в песке – там, где ветер не разогнал его с растрескавшегося асфальта. Ленинский проспект занесло особенно сильно. Пустыня наступала с юга, и широкий проспект образовывал прямой коридор для захвата песком центра. Здесь часто бывали сильные ветра и даже пару раз случались пылевые бури.

Все же днем хоть как-то можно было передвигаться. Человек приспосабливается ко всему. Но последнее время появились Светляки, и теперь перемещение, работа, а значит и сама жизнь под угрозой. За два года доставки посылок по мертвому городу Алена не встретила ни одного Светляка, но последнее время участились слухи об их появлении и исчезновении людей. Возможно, они были и раньше, просто был один нюанс – до сих пор не было никого, кто пережил бы встречу с ними.

Дождя не было уже 328 дней. Утром Алена сделала эту пометку в самодельном календаре как делала вчера, и каждый день до этого. Двадцать третье сентября. День осеннего равноденствия. Сегодня свет равен ночи. Уже завтра день начнет становиться все короче, уступая место тьме. Алена нахмурилась. Времени на дневные переходы будет все меньше, придется брать меньше заказов. А это ей не нравилось.

Она не собиралась провести в городе еще одно лето. За зиму нужно было накопить достаточно денег чтобы выбраться отсюда.

Сегодняшняя доставка была из разряда экспресс, ее надо было доставить вне очереди. Нервный человек, передающий ей лекарства в убежище сорок два строго увещевал ее нигде не задерживаться. Впрочем, задерживаться на маршруте мог разве только самоубийца. Нет места более губительного на свете, чем поверхность современной Москвы.

Оплата за экспресс-доставку была выше, и это подняло ей настроение – мечта, на которую она копила последние месяцы, после выполнения этого заказа станет еще ближе. Только вот она никак не ожидала что придется тащить на себе Ваньку. Алена сжала зубы. Все из-за тетки, которая не захотела лишней ответственности и скинула ей мальчика.

Сегодня вообще день с утра не заладился, подумала Алена. Она пока не могла объяснить, что именно не так. Возможно, она нервничала из-за Ваньки, и это чувство заставляло ее быть особенно настороже.

Алена остановилась в тени, нависшей над ней девятиэтажки, смахнула пот со лба и достала бинокль. Высохшие деревья не загораживали обзор, и широкий проспект отлично просматривался. Не заметив ни единого движения впереди, она потянулась за флягой. Открыла крышку, но пить не спешила, подождала пока Ванька добредет до нее.

– Будешь? – она протянула ему флягу. Конечно будет! Па-

рень стянул с лица арафатку, обнажая белую кожу, и жадно примкнул губами к фляге, но она уперлась в козырек его бейсболки. Алена развернула козырек назад и Ванька начал пить, делая большие глотки. Щуплый, невысокого роста, с наивными детскими глазами в свои двенадцать лет он выглядел еще младше.

– Не пей много, а то не хватит на весь путь.

На доставку она брала воды ровно столько, чтобы дойти от одного убежища до другого. Во-первых, вода была в дефиците. Во-вторых, плечи не железные, больше возмешь воды или еды – меньше груза, меньше получишь денег. Придется больше ходить и больше расходовать драгоценную воду. Это было не рационально.

Вода уходила все глубже, и добывать ее было все сложнее. Электростанции давно остановились, колодцы и водоемы пересохли. Спасали только солнечные батареи, которыми были отделаны крыши любого уважающего себя убежища. Энергии, вырабатываемой таким способом с трудом, хватало на поддержание работы насосов, качающих воду из недр земли, которые словно огромные комары, впившиеся своими носами-жалами в тело умирающей планеты, тянули из нее последние соки.

Вода была самым ценным товаром, особенно здесь, наверху, под палящим солнцем, где организм терял влагу стремительно быстро. Передвижение без дела по поверхности считалось пустой тратой воды и было попросту недопустимо.

Ванька с трудом оторвался от фляги и снял огромные, в пол лица, очки.

– Дoooлго ещё? – жалобно протянул он.

– Не ной, почти пришли.

– Алена, я устал...

– Ну оставался бы в бункере с остальными! – огрызнулась она. И так жарко, еще на нервах весь день – одно дело самой бродить по пескам, а тут еще за него отвечать...

– Я не хочу с остальными, я хочу с тобой! – Ванька преданно заглянул в глаза Алене. Этот взгляд мог бы растопить лед, если бы эта форма воды еще осталась в этом мире.

– Тогда не ной, – уже тише сказала Алена.

– Давай отдохнем? – просяще протянул Ванька.

– Хочешь, чтобы Светляки тебя сцапали? – взорвалась Алена. Ванька испуганно замотал головой. – Тогда пошли, нам не так много осталось!

Ванька покорно кивнул, и, обреченно опустив голову, побрел вперед, но внезапно остановился и повернулся к Алене.

– А ты покажешь Гагарина? – в глазах огоньки надежд, как будто и усталости нет.

– Конечно, я же обещала!

Ваньке этого хватило. Может, сил не прибавило, но настроение у него явно поднялось.

Они старались идти в тени зданий, но не сильно приближаясь к зияющим черными ртами провалам окон и подвалов. Пустота улиц вовсе не означала что здесь безопасно – слыш-

ком обманчива была эта тишина, готовая в миг наполниться предсмертными криками, стоило нарушить Главное Правило. Алена знала это, и Правило не нарушала – держалась на расстоянии от окон и подъездов. Но жара стояла невыносимая, огненный шар солнца висел в зените, и чтобы держаться в тени нужно было приближаться к домам.

Пронзивший небо стрелой застыл неподвижный башенный кран – окаменевшее изваяние неведомого доисторического чудища. Он завис над недостроенной высоткой, словно скелет, не успевший обрасти кожей. Здания вокруг были похожи на уснувших великанов с пустыми, черными глазницами. Когда-то полные жизни, сейчас... Впрочем, некоторые и сейчас полны жизнью, если это можно так назвать, только другой. «А точнее смертью» – подумала Алена. Любая жизнь рано или поздно становится смертью.

Черные глазница окон молча наблюдали за ними. Дома, казавшиеся заброшенными, были такими лишь на первый взгляд. Это было похоже на ровную гладь океана. Смотришь на нее, и на какой-то миг забываешь, что там, внизу, в ледяной тьме, бесшумно скользят быстрые смертоносные тени. Алена вспомнила историю времен второй мировой войны, прочитанную на каком-то сайте, когда после крушения военного корабля тысячи моряков были растерзаны акулами. Оставшиеся в живых спасались на плотах, но даже это не помогло – в памяти всплывала история выжившего про то, как морской хищник утащил его друга прямо с края спаса-

тельного плота. Алена опасливо покосилась на пустые окна. Здесь не океан, да и там не акулы. Но то, что притаилось во тьме этих домов было гораздо опаснее.

– Тут жутко... я хочу домой, – шепотом проговорил Ванька.

– Дома больше нет, – холодно ответила Алена, глядя прямо перед собой. Ванька потупился.

Какое-то время шли молча. Ванька старался успевать за сестрой, но ноги его были покороче, и ему приходилось ускоряться, смешно переваливаясь с бока на бок. Алена сбавляла темп, но вместе с тем злилась – путешествие грозило затянуться. Она привычно рассчитала время исходя из своей скорости, не учтя, что Ванька медленнее, и теперь мысленно ругала и его, и себя. Остаться на поверхности земли с наступлением заката было равносильно самоубийству.

– Я её понимаю, – тихо сказал Ванька, глядя под ноги. – Ей своих детей надо кормить...

– Да она просто сука, – сквозь зубы бросила Алена.

– Мы выживем?

– Обязательно. А она, надеюсь, нет.

– Она не виновата...

– Ну конечно. Никто ни в чем не виноват. Только она обещала нашей маме что будет следить за тобой. А как только прижало – так сразу на попятную! Как мне теперь работать? Я с тобой иду в два раза медленнее! Куда тебя девать?

– Я тоже буду как ты носить мешок! – виновато промолвил

Ванька.

Ванька, хрупкий, как цветок, непонятно как выросший в пустыне. Какой мешок носить, его самого носить надо. Алена ухватила за козырек его бейсболки и натянула кепку ему на глаза.

Из-за верхушек сухих деревьев показалась голова Гагарина – и Алена поняла, что они на верном пути. Массивный памятник, ранее олицетворявший победу человечества над космосом, теперь возвышался над засыпанной песком площадью словно немой укор и напоминание о том, как в итоге природа одержала верх.

Алена подошла к подножию памятника, отметив, что уровень песка поднялся почти на полметра за... когда она последний раз здесь была? Неделю назад? Да, когда доставляла посылку на театральную. Такими темпами скоро она будет ходить по барханам над крышами Москва-Сити.

Девушка скинула с плеч надоевший рюкзак и принялась расчищать песок. Вскоре показалась тяжелая железная дверь. Откинув от нее песок, Алена на всякий случай проверила задвижку. Гостей не было, да и кому придет в голову искать в песке дверь, ведущую по узкой тридцатиметровой лестнице в голову Гагарина?

Тяжелая дверь поддалась на удивление легко, словно впуская в себя давно не заходившего хозяина дома. Лезть в темное место было грубейшим нарушением ей же установленных правил, но в данном случае опасности внутри не бы-

ло. Но Алена все же замерла на входе и обернулась к Ивану.

– Помнишь главное правило? – то ли при слове «правило», то ли от осознания почему оно вообще существует Ваня поежился и как-то немного осунулся.

– Не лезть туда, где темно...

– Верно. Сюда – можно, но только сюда.

Ваня кивнул. Конечно, он помнит его наизусть, как и все остальные выжившие. Но лучше лишний раз убедиться, чтобы у ребёнка не появилась смертельно опасная привычка вот так открывать любые двери во тьму.

Алена осветила фонарем пространство, уходящее вертикально вверх, еще раз проверив отсутствие сюрпризов. Луч света вырвал из темноты ржавую, но вполне пригодную для использования лестницу, ведущую наверх.

– Я первая, как только долезу доверху – дам знак. – Ванька молча кивнул, но было видно, что ему некомфортно оставаться одному в этой трубе.

Прикрыв за собой дверь и заблокировав ее задвижкой, Алена первая полезла вверх. Внутри было душно – солнце раскалило металлическую трубу. Лезть в узком пространстве было не особо удобно, но привычно – она часто бывала здесь. Руки уверенно цепляли арматуры-ступеньки. Вскоре она добралась до верхней площадки.

Песок плохо удерживал тепло, и, несмотря на дневную жару, ночью на город часто опускался холод. И то ли от перепадов температур, то ли еще от чего – половина головы памят-

ника отвалилась еще год назад. Получилась отличная площадка, с крышей над головой, тенью и прекрасным обзором в сторону Сити. Алена осмотрелась. Вокруг было тихо, и она негромко свистнула в трубу – кричать лишний раз не стоило, чтобы не накликать внезапную беду. Ванька тяжело запыхтел снизу – начал подниматься. Он лез медленно, но верно. На последних ступеньках Алена подстраховала за куртку на всякий случай. Ванька вылез на площадку, оглянулся и ахнул от увиденного. Им, детям подземелья, редко выдавалась возможность забраться куда повыше.

Вдаль уходило полузасыпанное песком полотно «третьего транспортного кольца». Тут и там из-под песчаных барханов виднелись остовы машин, с которых ветер и песок словно шкуркой содрали краску. По краям дороги высились все те же кирпичные многоэтажки с пустыми окнами-глазницами.

Ванька неотрывно следил за тем, как ветер гоняет песок по безлюдной дороге, и Алена поймала себя на мысли о том, что она знает о чем он сейчас думает. Снизу город выглядит по-другому. Ты не видишь километров брошенных машин и пустых домов, с обвалившимся крышами. Такие просторы не привычны. Внизу твой обзор ограничен, и, хотя это и не понимаешь умом, но где-то внутри теплится пусть глупая и необоснованная, но надежда. Надежда на то, что где-то там, за домами, за очередным поворотом дороги, возможно все иначе. Там есть жизнь, зеленые деревья, живые люди. А где-то, наверняка – не может быть иначе! – идет дождь и бегут

звонкие ручьи, резвясь, сталкиваясь и разбегаясь потоками живительной влаги. И если прислушаться – в его журчанье можно услышать смех детей.

Но здесь, сверху, было отлично видно – город мертв.

Солнце слегка отклонилось к западу. Скоро жара перестанет быть невыносимой, и можно будет продолжить путь. Главное – не переждать и успеть до темноты. Потому что с закатом все муравейники закрываются, а муравьи, не успевшие домой, становятся добычей.

– А Светляки нас здесь не достанут? – испуганно спросил Ваня. Они только что пообедали скудными запасами, прибережёнными Аленой в тайнике, которых хватило только чтобы слегка утолить вечно терзающий голод, и теперь лежали посередине площадки головы памятника великого космонавта, который стоял посреди некогда великого города.

– Не переживай. Здесь нас никто не достанет.

– Я слышал, – боязливо протянул Ваня, – что Светляки похищают души людей...

Алена залилась звонким смехом.

– Кто тебе сказал такую чушь?

– Петька из соседнего убежища... Он говорит, что его папку забрали, он тоже курьером был, как ты... Он говорит, что Светляки призраки...

– Ну да, это из серии историй про друга моего друга... Ты слушай больше Петьку, еще не такого расскажет, – буркнула Алена и отвернулась. Говорить не хотелось.

На самом деле никто доподлинно не знал, что делают Светляки, так что может малой и прав, просто пугать его не хотелось. О Светляках не было известно ничего, кроме того, что из всех, кто с ними сталкивался – обратно не вернулся ни один.

– А правда, что Светляки не убивают людей, а похищают? – снова спросил Ванька.

– Не знаю, отстань. – отмахнулась Алена. Еще не хватало сейчас думать о призраках, бродящих по мертвому городу.

Правда, больше походило на то, что это они сами превратились в призраков. Скитаются среди безлюдных переулков, боясь хоть кому попасться на глаза. Мы просто исчезаем, становимся теньями, подумала Алена и на всякий случай взглянула на свою руку – не исчезает ли она, не становится прозрачной? В этом безумном мире она бы не удивилась такому исходу. Кожа руки была сухая и жесткая от обезвоживания. Без воды все умирает. Так и люди стали сухими и жесткими, только вот от отсутствия воды ли?

Ванька дотронулся до металлической стенки и отдернул руку – обжегся о раскаленный солнцем металл. Он подул на палец и вздохнул.

– Эх, сейчас бы мороженого! – мечтательно прошептал Ванька, глядя в бездонное небо.

– Да ну тебя, Ванька! – Алена сглотнула слюну. Какое там мороженое! Еды бы нормальной... – И так несладко.

Ванька бросил виноватый взгляд на сестру, и Алена очередной раз мысленно себе напомнила, что надо быть с братом помягче. В этом мире и так осталось слишком мало любви – как будто ветром выдуло вместе с песком. Но одно дело – подумать, а другое – сделать. Этот мир кого хочешь превратит в черствый сухарь. Вот и она, несмотря на юный возраст и миловидность, уже успела очерстветь под вечно палящим солнцем.

Ванька достал из кармана спичечный коробок с неаккуратно проделанными дырочками и легонько потряс его. Изнутри послышался шелестящий звук. Ванька открыл коробок и аккуратно вытряхнул себе на ладонь жука. Жук лежал почти неподвижно, лениво шевеля усами и даже не пытаясь расправить крылья. Это был Ванькин друг, найденный в песках. Парень нашел его лежащим на спине, и думал, что он уже помер, но жук оказался живым. Алена закатывала глаза и нервничала, понимая, что они теряют время, пока Ванька реанимировал жука и искал в рюкзаке для него коробку. И вот теперь жук потихоньку оживал в его маленькой руке.

– А что едят жуки?

– Не знаю. Наверное, других жуков, – пожала плечами Алена. Ванька задумчиво смотрел на нее.

– Всегда чтобы жить надо кого-то есть?

– Так устроен мир, Вань. Либо ты, либо тебя.

Они молча смотрели как жук тихонечко оживал на Ваниной ладошке. Он вяло шевелил неуклюжими лапами, словно не был приспособлен к этой жизни. Как древний динозавр, дошедший до финальной стадии эволюции своего вида, и теперь вынужденно уступавший место под солнцем другим, более совершенным видам.

– Знаешь, во времена динозавров на месте Сахары был океан. Там плавали древние предки китов и, возможно, именно оттуда впервые на землю вышли первые млекопитающие. Так что наши предки из пустыни, можно так сказать.

– А теперь Москва как Сахара... – промолвил Ванька, задумчиво глядя на жука.

– Есть такое дело... А знаешь, как жители Сахары называют пустыню? – спросила Алена.

– Как, скажи?

– Океан без воды. Ведь правда похоже на океан!

– А дома – как затонувшие корабли! – воскликнул Ванька.

– А знаешь кто такие корабли пустыни? – Ванька помотал головой. – Верблюды!

Ванька засмеялся. Он представил верблюда с парусом и засмеялся еще громче.

– А еще жители пустынь закрывают лицо паранджой, чтобы злые духи не похитили их душу.

– Светляки тоже злые духи?

– Не знаю, Вань. Наверное.

Они задумчиво смотрели на океан песка, простиравшийся

ся под ними. С высоты можно было представить, что город вновь полон людей, вообразить звук машин, несущихся по ленинскому, завывания далеких сирен, сигналы клаксонов нервных таксистов. Алена достала бинокль и медленно обвела взглядом пустые улицы. Ни движения. Она и сама не знала, что хотела там увидеть. Другого курьера? Банду мародеров? Группу охотников? Или Светляка? Внутри было странное чувство тоски, смешанное с затаенной надеждой заметить движение на одной из безлюдных улиц, и вместе с тем страх. Потому что встретить человека в мертвом городе опасно. Никогда не знаешь, что у него на уме.

– Дай посмотреть! – попросил Ванька. Алена приставила бинокль к его глазам.

– Вау! Там близко! А что за высокие дома вдалеке?

– Это Сити. Элитный жилой квартал. Был. У меня друг-альпинист там работал, окна мыл. Когда все случилось, они даже веревки снять не успели, так там до сих пор и висят.

– Красиво! А мы когда-нибудь сходим туда?

– Нет, Вань, – Алена забрала у него бинокль. – Это одно из самых опасных мест в городе.

– Там живут они? – шепотом спросил Ванька, расширив глаза.

– Да. Там их очень много. Так говорят. Так что не вздумай даже близко туда подходить!

Ванька с готовностью закивал. Алена поняла, что основные уроки он усвоил – судя по его испуганным глазам парень

теперь будет Сити обходить за версту.

– Алэн, – тихо сказал Ванька, – мы же не станем... как они?

– Конечно нет! Почему ты спрашиваешь?

– Я не хочу стать таким.

– Не станешь.

– Почему ты так думаешь? – Ванька пытливо посмотрел на сестру.

И действительно – почему? Алэне нечего было ему ответить. Потому что любой ответ был бы ложью.

Никто не знал почему люди *меняются*. Все исследования не дали ответа на этот жизненно важный вопрос. Изменения происходили не после физического контакта, это не передавалось по воздуху, это не было даже вирусом. Просто в какой-то момент человек начинал терять свой облик. Постепенно, шаг за шагом, превращаясь во что-то... иное.

Никто не знал почему вообще все это началось. Просто сначала долго не было дождя. Потом в воздухе появился песок, и температура стала расти. А через несколько недель, когда было уже трудно дышать, из подвалов полезли полулюди-полузвери, залившие город кровью. Никто не мог понять кто они и откуда взялись, но все быстро уяснили – аппетит у них отменный, благо, появляются они только по ночам или там, где живет тьма. Позже стали появляться Светляки – новая напасть. Про них вообще ничего не ясно до сих пор. Если от Зверей ещё можно попробовать хотя бы теоретически

спасти, то после встречи со Светляками, как говорят, выживших не бывает. Никто даже не мог описать как они выглядят.

Светляки и Звери, словно договорившись, поделили время охоты. Звери, облюбовавшие подвалы и тёмные этажи заброшенных зданий, выходили на охоту по ночам, по неизвестной причине боясь дневного света. Светляки же, насколько было известно по слухам, появлялись исключительно днём, словно тьма была им опасна. Времени для людей в этом мире не осталось.

А уже совсем недавно стали появляться Чёрные Дыры. Казалось, кто-то решил, что человечество больше не венец творения, и на этой Земле ему места нет. И теперь людей выживают отсюда всеми способами, и, надо сказать, успешно.

– А Черные Дыры – откуда они взялись? – словно послушав мысли Алены спросил Ванька. Алена только вздохнула.

Про космические черные дыры она читала еще в школе, но это где-то там, в далеком космосе, в вакууме, в совершенно других физических условиях. По всем законам физики такое просто не могло существовать в земных условиях. Но по тем же законам не должно существовать и Зверей, и Светляков...

Судя по описанию космических черных дыр, эта вела себя также – всасывала все, даже солнечный свет, только размером была несравнимо меньше. Алена подумала, что, если одна такая Дыра когда-нибудь увеличится в размерах раз этак

в сто – Москвы не станет. Впрочем, ее и так уже практически нет... И в нынешних условиях человечеству остается только одно – выживать. И уж точно не стоит лезть к этим дырам и пытаться что-то понять. Не стоит заигрывать с неведомыми силами.

Алена сбросила наваждение. Неизвестно, ждало ли это их всех, умрут ли они от жажды или заберет Светляк. Одно было ясно – человечеству в новой цепи эволюции была отведена роль пищи.

– Не забивай голову, – буркнула она в ответ.

Ванька перевел задумчивый взгляд на город, превратившийся в океан песка. Не хватало только кораблей, но их заменяли торчащие из барханов серые тела домов.

– А ты была на море?

– Была.

– А там правда много воды?

– Правда.

– Как раньше в Москве-реке?

– Больше, гораздо больше.

– А как это – больше? – Ванька не мог понять как воды может быть больше, чем в канале Москвы-реки. Учитывая то, что последний водоем исчез с лица города года полтора назад, для него сейчас и лужа за море сойдет.

– Представь, что весь этот песок – это вода. Это и есть море.

– Так бывает?

- Бывает
- И ты отвезешь меня туда?
- Обязательно!
- На Ковчеге?
- Да, Вань. Вот только денег заработаю.

Алена не знала, правда ли это, но говорили, что некие умельцы смастерили корабль, способный передвигаться по пескам. Они называли его Ковчег. Конечно, наверняка это был вовсе не корабль, но это было не важно. Важно было то, с наступлением зимы они планировали покинуть умирающую столиц и отправиться на север, к морю, куда, говорят, пустыня еще не добралась. На Ковчег можно было попасть, но очень за дорого, да еще надо было найти кому эти деньги заплатить, да не нарваться на мошенников. Когда Алена узнала об этом, она твердо решила: они с Ванькой уедут отсюда. Она будет брать больше заказов, заработает денег, и они покинут эту осточертевшую пустыню.

- А какой он, Ковчег? – спросил Ванька.
- Не знаю, глупенький! Я же сама не видела, – пожала плечами Алена. – Говорят, что он большой, на солнечных батареях.
- Как корабль?
- Да, только он плавает не по морю, а ездит по песку.
- И он возьмет нас с собой? – с надеждой спросил Ванька.
- Конечно.
- И увезет к морю? Настоящему?

– Я тебе обещаю! – Алена посмотрела брату в глаза. В его глазах теплился лучик надежды, то, чего она давно не видела в глазах людей этого города.

– Клянешься?

– Клянусь!

Она достала из рюкзака лист бумаги и принялась складывать в замысловатую фигуру. Ванька с любопытством заглядывал через плечо, но Алена игриво прятала поделку, пока не закончила.

– Покажиии, что там? – протянул Ванька. В глазах такая жажда увидеть неведомое чудо, что хоть водой не пои. Алена достала из-за спины бумажный самолетик.

– Можно я! Можно я! – закричал Ванька.

– Тс! – испуганно шикнула Алена. – Чего разорался!

Ванька тоже испугался и продолжил уже шепотом, но также настойчиво:

– Можно я! Можно я!

Алена с улыбкой отдала ему бумажную фигурку.

Самолетик вылетел из головы Гагарина, блеснув на солнце белым бумажным боком, сделал замысловатый узор и, подхваченный внезапно налетевшим горячим ветром, вместе с частичками песка взмыл в воздух. Алена провожала его взглядом, и ей слышался гул моторов реактивных самолетов, пролетающих над городом. Словно репетиция Дня Победы, которую она как-то случайно застала. Она никогда не любила парады, но сейчас многое бы отдала за то, чтобы вновь

оказаться среди толпы незнакомых людей и задирать голову, жмурясь от солнца, складывать руки козырьком, улавливая взглядом мелькающие над крышами домов крылья.

Она вспомнила, как впервые попала в это место. Тогда голова Гагарина была еще целая, Москва еще не превратилась в пустыню, а ее жители – в добычу.

Ее ладонь сжимала горячая ладонь Дениса, он тащил ее вперёд, они бежали и весело смеялись. Была теплая майская ночь, звезды светили откуда-то сверху, словно улыбаясь, и верилось, что так будет всегда.

Денис – одноклассник, хулиган и сорвиголова – позвал застенчивую отличницу Алену играть в приключенческую игру «Дозор». Она понятия не имела что это, но даже если бы Денис предложил тогда прыгнуть в пасть дьявола – она без раздумья согласилась бы, как и многие ее одноклассницы. Он был сильный, свободный, за ним хотелось идти, бежать или лететь, и не все ли равно – куда?

Он подошел к ней после уроков, когда она складывала книги в рюкзак.

– «Сахара»... – прочитал Денис название одной из книг и улыбнулся: – Значит, вот что ты читаешь вместо математики! Интересно?

Алена кивнула и застенчиво улыбнулась. Она до сих пор не понимала, почему он тогда подошел именно к ней. Может, почувствовал в ней тягу к адреналину?

До этого она ходила в школу скалолазания – они гоняли

на скалодромы, учились лазать по зацепкам, работать с веревкой, и даже один раз выезжали в Крым на скалы. Руководитель клуба Толик работал промышленным альпинистом, и рассказывал истории, от которых у молодых экстремалов кровь прилиwała к вискам, а глаза восторженно расширялись – о том, как они мыли окна Москва-Сити и попали в ураган, или как попали в грозу в абхазских горах на высоте две с половиной тысячи метров. Потом началась учеба, времени на клуб стало меньше, но адреналина в обычной жизни не хватало. И когда Денис предложил поиграть в «ночные экстремальные игры» она не стала отказываться.

Так она оказалась в Дозоре. Они всю ночь бегали по городу, разгадывали какие-то коды, залезали в заброшки. Было страшно весело и интересно, а адреналину добавляло то, что все это было не совсем легально. Денис рассказывал, что недавно на одном закрытом заводе, куда они пробрались в поиске очередного спрятанного организаторами игры кода, по ним из ружья стрелял сторож.

– Из настоящего! – спокойно сказал Денис, но видно, что его распирало от гордости. Алена в восхищении смотрела в его красивые глаза. – Я слышал, как пуля срикошетила о металлическую балку. Ну, мы убежали понятное дело! – Денис смеялся, Алена смеялась с ним, а звезды ласково смотрели на них сверху.

Последним заданием в ту ночь было забрать код в голове Гагарина. Точнее, сначала надо было угадать что он именно

там.

– А как же мы туда попадем? – удивленно спросила Алена.

– Не бойсь! Это заигранная лока, я там уже был! – усмехнулся Денис и подмигнул ей: – К тому же это мое любимое романтическое место.

Заигранная лока, как поняла Алена, означало что локация уже была использована в какой-то из предыдущих игр. Но ее волновало не это. «Это мое любимое романтическое место...» Сердечко учащенно забилося в груди.

Так как позади была напряженная ночь, большая часть команды отказалась лезть на высоту тридцать метров.

– Не парьтесь, мы с Аленкой снимем код. Так ведь, Ален? – подмигнул ей Денис.

– Угу! – только и смогла ответить она, и они остались вдвоем. Ночь укрыла их теплым звездным пледом. Звезды еще сияли на небосводе, но уже тускнели к востоку, когда они добрались до Ленинского проспекта. Над площадью возвышался величественный тридцатиметровый Гагарин. Денис залез на основание памятника.

– Давай руку! – Денис протянул свою широкую ладонь. Алена нерешительно протянула свою, их пальцы встретились, и она вздрогнула. Его рука была мягкой и теплой. – Какая у тебя горячая и сухая ладонь! Я буду звать тебя Сахара!

– Почему Сахара? – удивилась Алена.

– Ну ты же любишь пустыни!

Алена нерешительно улыбнулась.

Она очень хорошо помнила, как Денис показал ей люк в основании Гагарина.

Как она впервые лезла в темноте по лестнице внутри памятника. Как искали код. Как сомкнулись руки Дениса на ее талии. Она чувствовала его горячее дыхание, его бездонные глаза так близко, а до губ оставались считанные миллиметры... Которые так и остались навсегда непреодолимым расстоянием. Их разорвал отчаянный женский крик, словно донесшийся из другого мир, в который так не хотелось возвращаться. Именно в тот момент, когда самый красивый парень из класса собирался поцеловать Алену в самом романтическом месте из всех, что она могла вообразить, начался апокалипсис.

Много ли это – несколько миллиметров? Для нее – да. Очень много. Для нее это было невообразимое расстояние, которое навсегда отделило ее от детства и счастливой жизни, оставив на губах горький привкус недосказанности.

Алена открыла глаза, которые вдруг начали слезиться – наверняка от ветра, все также сдувавшего песок с крыш полусасыпанных автомобилей. Солнце еще немного отклонилось к западу. На лицо Алены упала тень – видимо, от заслонившей солнце многоэтажки.

– Вставай. – Голос Алены был отстранен, и Ваньку словно ледяными иглами обдало. – Пора.

Ванька не стал канючить, чувствовал, что сейчас не время. Пытался заглянуть в глаза сестры, но та прятала взгляд.

Он был еще очень мал, но уже понимал, что вместе со взглядом она прятала где-то очень-очень глубоко кусочек личной боли.

Тени становились длиннее. Солнце скрылось за высотками и больше так не пекло. Алена выбирала маршруты в обход как больших проспектов, так и тенистых двориков, стараясь прокладывать путь через возможные укрытия.

– Вань, – позвала Алена. Ванька вынырнул из своих дум.
– Как мы ходим?

– Безопасно! Чтобы было куда убежать, – откликнулся тот. Алена кивнула.

Молодец, учится потихоньку. Вообще правило звучало как «всегда прокладывать маршрут, учитывая возможные пути отступления», но и так сойдет – главное что усвоил. Иначе в этом мире не выжить. Те, кто использовал старые правила и привычки очень быстро погибали. Мир менялся – и заставлял меняться вместе с ним. Кратчайшая дорога больше не была в приоритете, и если бы сейчас кто-то решил выпустить навигатор, опция «безопасный маршрут» с избеганием туннелей, узких темных подворотен и дворов-колодцев была бы на вес золота. Вот только эту самую безопасность предсказать заранее очень сложно, здесь без чутья не обойтись. Конечно, опыт подсказывал какие дороги выби-

рать, в какие подворотни не соваться, но Алена могла бы поклясться, что иногда какое-то внутреннее звериное чутье наперекор логике кричало ей: «Туда нельзя!». И она слушалась. Она доверяла своему чутью, ибо больше доверять было некому.

Сейчас они держались ближе к середине дороги – подальше от темных подъездов, но по прямой не шли – переходили от укрытия к укрытию.

Внезапно чья-то тень стремительно пересекла дорогу. Алена одним движением сгребла Ваньку в охапку и прыжком метнулась за ближайший остов машины. Еще в момент движения она осознала, что это тень птицы, но адреналин уже выплеснулся в кровь, и сердце бешено колотилось. Наверное, так себя чувствует какой-нибудь пустынный грызун, увидев мелькнувшую в небе тень орла.

– Что это, Алена? – тихо шепнул Ванька. Алена приложила палец к губам и нахмурила брови. Тень снова пронеслась по дороге. Алена подняла голову – метрах в ста впереди в небе проплыл силуэт большой птицы, на мгновение заслонив собой солнце. Огромные крылья беззвучно рассекали горячий воздух.

– Стервятники, – тихо сказала Алена. Откуда эти птицы взялись в Москве она не знала. Но в последние годы мир так переменялся, что она вряд ли бы удивилась, увидев верблюда в центре города. Одно она знала точно – стервятники в небе не предвещают ничего хорошего. В воздухе запахло

смертью.

Ванька словно почувствовал ее настроение.

– Там что-то случилось? – прошептал он.

Алена кивнула. Надо обходить, но это значит уходить в тенистые дворы и менять маршрут, снова терять драгоценное время.

– Может там кому-то нужна помощь? – озабоченно спросил Ванька.

Судя по тому, что в небе кружило несколько этих хищных птиц, вряд ли там кому-то еще нужна помощь. Стервятники были знаком того, что все самое страшное уже закончилось. Сейчас там максимум пара мертвых тел. Впрочем, Ваньке и это видеть не стоило бы.

– Пойдем, только очень осторожно. Когда я скажу – закроешь глаза. Понял?

Ванька кивнул, и, кажется, побледнел.

Один из стервятников сделал очередной круг и приземлился недалеко от Алены и Вани, подняв тучу песка огромными крыльями. Птица озабоченно смотрела на ребят бегающими глазами, видимо воспринимая их как хищников-конкурентов. Загнутый клюв поворачивался из стороны в сторону, вслед за бегающими черными иглами глаз. Во все стороны торчали взъерошенные перья, едва прикрывал тощую плоть птицы. Стервятники питались трупами, но сейчас у них были весьма прожорливые конкуренты. Надо было успевать съедать до вечера, иначе к утру от добычи останут-

сы разве что обглоданные кости.

Алена обошла стервятника стороной, не забывая поглядывать вокруг, но никого не было видно. Узкая улочка, занесенная меньше других – даже видны подъездные двери в домах. На дороге тут и там были разбросаны полузасыпанные песком остовы машин.

Стояла абсолютная тишина, в которой изредка были слышны хлопки крыльев приземляющихся стервятников. Они уселись чуть в стороне, наблюдая за путниками. Значит, тело где-то рядом. Алена чувствовала на себе взгляд птиц, и от него мороз пробирал по коже – она понимала, что их с Ванькой рассматривают как потенциальную еду. Ванька крепче сжал ее руку.

Дорога была пуста. Если здесь и были следы, то их уже занесло. «Неужели заполз в дом?» – мелькнуло у Алены. Тогда точно самоубийца. Алена вгляделась в подъездную тьму сквозь распахнутые двери, но там не было ни движения.

Внезапно из-за одной из машин послышался негромкий стон. От неожиданности Ванька впился в руку Алены еще сильнее. В полной тишине посреди мертвого города меньше всего ожидаешь услышать отзвуки человеческого голоса, пусть даже такого. Алена медленно обошла машину, стараясь держаться поодаль.

На песке с теневой стороны, прислонившись щедедушным телом к горячему металлу, полулежал человек. По его внешнему виду Алена сразу поняла – этот человек никогда рань-

ше не выходил на поверхность. Он был одет в потрепанный балахон, в которых часто ходят жители убежищ, на ногах рваные кеды, явно не предназначенные для переходов по пескам. Морщинистое, обожженное лицо обрамляла седая борода, на голове не было ни арафатки, ни другого головного убора, который уберег бы от смертоносных солнечных лучей. Рядом лежала холщовая котомка – судя по всему, почти пустая.

Человек медленно повернул голову на звук, и Алена увидела полные страдания глаза.

– Воды! – прошептали потрескавшиеся губы. Человек попытался протянуть к ним руку, но это давалось ему с трудом.

Алена молча смотрела на него. Одежда странника лучше слов рассказала его историю, и перед Аленой развернулась картинка. Старый, ненужный человек, от которого уже нет пользы. Котомка, в которую вряд ли положили еду и воду, молчаливые взгляды бывших сожителей, стальная дверь бункера, захлопывающаяся за спиной и оставляющая наедине с пустыней. Ошеломляющий простор и ослепительный песок, раскаленный до нельзя. Наверняка старик не видел неба все эти два года, и вот теперь он мог насладиться им сполна – в последний раз.

– Воды... – прохрипел старик. Ваня сжал руку Алены.

– Алена... Надо дать ему воды! – он смотрел прямо в глаза, и его зрачки были расширены от ужаса. Ваня видел такое в первый раз.

Алена молчала. Она смотрела в глаза старика и видела в них смерть. Он еще пытался двигаться, говорить, но все уже было решено. Ему оставались считанные часы. Если жажда и солнце не прикончат его, то с наступлением ночи это сделают Звери.

– Алена! – прошептал Ванька, умоляюще глядя ей в глаза. Она молча покачала головой. Тратить на старика воду, которая на вес золота, которую она несла для Ваньки, было бессмысленно.

Внезапно Ванька выдернул руку из ее руки, и она не успела опомниться, как почувствовала, что с ее пояса срывают флягу. Парень мгновенно оказался возле старика, опустился на колени перед ним, и пока Алена стояла, открыв рот от удивления, отвинтил крышку с фляги. С ее фляги. Следующее, что она увидела – поток живительной воды, так старательно сберегаемой ей, течет по подбородку жадно пьющего, захлебывающегося старика. Алена рванулась вперед и выхватила флягу, которая за пару мгновений успела опустеть наполовину.

Не веря своим глазам, Алена смотрела на полуопустевшую флягу, но Ваньку это не волновало. Он неотрывно смотрел на старика, который закашлялся и откинулся на присыпанную песком дверь старенького ленд крузера.

– Спасибо тебе, дитя, – прохрипел старик. – Ты сделал хорошее дело!

Конечно хорошее, подумала Алена. Считай выкинул пол

литра воды, все равно что на песок вылил. Старик все одно умрет, к чему такие расходы?

Старик смотрел на них из-под полуприкрытых глаз. Они уже затуманивались, и Алена подумал, что разум его тоже уже затуманивался, готовясь отойти в мир иной.

– Что вы тут делаете, дети? – голос старика был негромкий, надтреснутый, но на удивление достаточно четкий.

– Мы курьеры, – нехотя ответила Алена.

– Так это вы те самые отчаянные храбрецы, доставляющие посылки! – старик попытался улыбнуться, но ссохшиеся губы не желали растягиваться в улыбку. – Пока не окажешься на поверхности, в полной мере не осознаешь всю важность вашей работы! И ты тоже курьер, юный герой?

Ванька молча кивнул. Он неотрывно смотрел на старика.

– Мы поможем вам дойти до убежища! – горячо сказал Ванька.

Старик вновь попытался улыбнуться ему, потом посмотрел на Алену. Они молча поняли друг друга. Это был диалог без слов, потому что Ваньке такого слышать не надо было.

– Спасибо, дитя. Мне помогут другие. Я жду друзей, они вот-вот подойдут.

Алена сглотнула комок, неожиданно появившийся в горле.

– Нам надо идти, – внезапно охрипшим голосом сказала Алена. Ванька озабоченно посмотрел на старика.

– Вам точно помогут?

– Не сомневайся, юный герой! Все будет хорошо.

Они поднялись на ноги. В паре десятков шагов от них еще один стервятник взгромоздился на дверь машины, скрипнув загнутыми когтями по ржавчине. Остальные птицы медленно кружили в воздухе. Рука старика схватила ногу Алены, и он зашептал, срываясь на хрип.

– Грядёт великая тьма! Береги мальчика!

Алена рефлекторно отдернула ногу.

– Пойдем, – она взяла Ваньку за руку. Тот неотрывно смотрел на старика.

Старик с тихим стоном откинулся на дверь ленд круизера и закрыл глаза.

– Не оборачивайся, – шепнула Алена Ваньке, когда они отошли несколько шагов.

– Почему? – Тот чуть шею не свернул, крутя головой.

– Плохая примета.

Они шли вперед, оставляя в песке глубокие следы. Песчинки почти беззвучно пересыпались под их ботинками, неумолимо отмеряя мгновения жизни. Стервятники сделали еще один круг над их головами, прежде чем всей стаей опуститься к ржавому ленд круизеру.

Ленинский проспект казался бесконечным. Алена подумала, что без жителей город становится однотипным. Оди-

наково серые дома, нескончаемый желтый песок, покосившиеся фонарные столбы. Из песка торчали скрученные стволы деревьев, полностью высохшие. Такое ощущение что там, под слоем песка, были похоронены огромные существа, в отчаянном порыве высунувшие из могил обожженные солнцем руки, моля небо о дожде.

– Иван, ты никогда не должен делать того, что сделал.

– Что сделал? – непонимающе переспросил Ванька. Солнце припекало. Позади остался еще один километр песка, ржавых машин и мертвых подъездов.

– Ты не должен никому отдавать нашу воду!

– Но он же хотел пить! – В голосе Ваньке слышалось удивление, почти возмущение.

– Все хотят пить, что теперь – всех поить будем?

– Все и не просят... – тихо сказал Ванька.

– Вот и здорово! А то ты все отдашь. Самому что останется?

Ванька не ответил. Алена знала, что он так бы и сделал. Отдал бы все.

– Ален?

– Что?

– Тот дедушка... про какую тьму он говорил?

– Не слушай байки выжившего из ума старика.

– Почему ты так говоришь про него?

– Потому что так и есть.

– Он не выжил из ума, ему просто было очень плохо!

Еще бы ему было хорошо, подумала Алена. Под палящим солнцем, без воды, когда тебя выгнали из дома, и ты знаешь, что жить тебе осталось не больше пары часов.

– Мы должны были оставить ему воды!

– На весь путь на одного человека уходит литр воды. У меня два литра, литр тебе и литр мне. А теперь еще меньше, по твоей милости. Чью воду я должна была ему отдать?

– Мою...

– А ты бы что пил? – Алена пытливо посмотрела на Ваньку, но тот лишь потупил глаза. – Эх ты, добрая душа!

Какое-то время шли молча. Ванька достал из кармана коробку со скарабеем, открыл ее и изучал жука.

– Почему мир такой? – внезапно спросил Ваня.

– Какой такой?

– Ну такой... злой.

– Не знаю, Вань. Просто так все устроено. Хищник ест травоядного. Сильный слабого, – Алена пожала плечами. – Такова жизнь.

Ванька нахмурился.

– Я так не хочу.

– А тебя никто не спрашивает. Жизнь – это не то же самое, что посылку отнести. Здесь ты можешь выбирать пойти тебе направо или налево. В жизни такого нет. Ты просто идешь туда, куда получается и стараешься выжить.

– Почему так? Ведь раньше было по-другому!

– Да всегда так было. Просто теперь все стало контраст-

нее, понимаешь? – Ванька помотал головой в ответ. – Раньше можно было ошибаться, сворачивать не туда. А теперь нельзя. Иначе закончишь как тот старик. И никто о тебе не вспомнит.

– Я о нем вспомню... – тихо сказал Ваня, остановился и посмотрел в глаза Алене. – Он ведь будет жить?

Алена с трудом выдержала взгляд. Очень хотелось его отвести и промолчать.

– Да. Конечно выживет.

– И мы выживем?

– Да, Вань. Обязательно выживем.

– И ты отвезешь меня на Ковчеге к морю?

– Конечно. Я же обещала.

– Скажи еще раз – какое оно?

– Бескрайнее. Как песок, только мокрое. Синее, как небо, но не обжигает, наоборот – дарит прохладу.

– А его можно пить?

– Нет, глупыш, оно соленое! Но, говорят, люди приспособились делать фильтры. Представляешь, бесконечный запас воды!

Ванька мечтательно закатил глаза и заулыбался. Алена тоже не смогла сдержать улыбку, глядя на него. Когда Ванька радовался – ей тоже становилось хорошо.

На песке что-то блеснуло. Ванька нагнулся, смахнул ладонью верхний слой, извлек оттуда погнутую табличку и сдул с нее песчинки.

– Улица Ва... вилова, – прочитал он вслух. – Кто такой этот Вавилов?

– Ученый. Много ездил по экспедициям, в том числе по пустыням. Я читала что он мог неделю в пустыне питаться одной саранчой.

– Какая гадость! – фыркнул Ванька. – Я бы не смог съесть даже одну саранчу!

Алена промолчала. Она понимала, что не так много осталось человечеству, чтобы перейти и на такой корм. Это если ничего не изменится, а судя по событиям последних лет, измениться все может только в худшую сторону.

– Съешь, если жизнь заставит.

– Ни за что, Алена!

Краем глаза она заметила мелькнувший блик у соседней пятиэтажки. Еще не успев повернуть голову, она поняла – это к беде. Это могло бы быть отражение солнца в окне дома или зеркале заднего вида машины, но это что-то явно двигалось, а все что движется, представляет опасность. Все это Алена поняла еще до того, как раздался негромкий свист.

Шагах в ста от них на солнце блеснул ствол автомата. Из пыли и жара бесшумно возникла небольшая группа людей в разношерстном песчаном камуфляже. Они явно заметили ребят, наставили оружие и молча приближались, понимая, что те никуда не денутся. Алена быстро метнула взгляд по сторонам. Справа – сталинская пятиэтажка, слева широкая улица с несколькими куцыми полу высохшими деревьями.

Прятаться негде, разве только в темный подъезд, но это в самом крайнем случае – уж лучше отдать посылку и еду, чем быть заживо съеденными. Вот дура, подумала она про себя, дура, дура! Отвлеклась на Ваньку и забыла про безопасность. Казалось бы, расслабилась всего на секунду, но в суровом мире секунды могли решить твою судьбу. Или миллиметры...

– Алена, кто это? – испуганно проговорил Ванька. Табличка с названием улицы выпала у него из рук.

– Не дергайся, – негромко проговорила Алена. – Курьеров обычно не трогают.

– А я тоже курьер? – с надеждой в голосе произнес Ваня.

– Да.

– Кто эти люди? – повторил Ваня.

– Пока не знаю. Главное не дергайся, там разберемся.

Группа с оружием на изготовке быстро приближалась, беря их в полукольцо и контролируя все направления. Лиц не видно, затянуты платками – чтобы песок в дыхательные пути не попадал, ну или чтобы не узнали. По слаженности и движениям видно: это сработанные профессионалы, и Алена слегка успокоилась. По крайней мере не дикие мародеры, от которых можно ждать что угодно. Эти, судя по оружию и камуфляжу, более серьезные ребята, возможно охрана или охотники, привязанные к одной или нескольким общинам, тогда они в курсе кто такая Алена и проблем быть не должно. Хотя полностью гарантировать это невозможно – на пу-

стынных улицах мертвого города закон уже не властвовал.

– Вы че тут шаритесь? – грубо выкрикнул шедший впереди. – В районе Октябрьской Светляк час назад охотника сцапал.

– Мы курьеры! – Алена на всякий случай медленно повернулась полубоком, чтобы отряд увидел желтую сумку за ее спиной.

– Курьеры, говоришь? А мы вас чуть не пристрелили, думали мародеры! – группа подошла ближе, и говоривший снял маску. Алена сразу узнала – это был Хобот, один из дневных охотников. Его близко посаженные глаза, быстро рыщущие по окрестности в поисках наживы, говорили о хозяине больше слов: все, что интересовало Хобота, это нажива.

Мужчины неспешно приблизились и обступили Алену и Ваню. Они стянули маски и Алена узнала еще нескольких. Самый молодой из них был Кирилл, едва ли не ровесник Алены. Обычный добродушный парень из глубинки, каких полно было в вузах столицы, когда они еще функционировали. По мнению Алены, Кириллу больше бы подошла жизнь в деревне, нежели в мегаполисе, в который он как-то не вписывался. И уж точно он был лишним среди бывалых охотников.

Егор – здоровяк под два метра ростом, с глуповатой ухмылкой на лице. Бывший сиделец с погонялом Сиплый, вечно говорящий с хрипотцой – то ли от непомерного количе-

ства выкраиваемых сигарет, то ли ещё от чего. Угрюмый узкоглазый старик-тувинец по кличке Шаман, и вожак группы – Волк, от одного взгляда на которого почему-то в жилах стыла кровь, несмотря на жару. Рядом с ним, словно в его тени, держался Лаки – мерзкий тип. Он, ухмыляясь подошел к Алене поближе. Блик солнца блеснул на автомат Лаки, который он держал наготове, но хоть на ребят не направлял.

– Куда идешь, курьер? – грубо спросил Лаки.

– В сорок второй бункер. Посылка у меня для них.

– Что несешь? – поинтересовался Хобот.

Алена напряглась еще больше. Она и сама не знала, что лежит в ее рюкзаке. Но то, что это что-то ценное, что не против прикарманить Хобот, она не сомневалась.

– А ты что, таможенником раньше работал?

– А она ничего, с чувством юмора, – усмехнулся Лаки. – Мне такие по душе!

– Никак на билеты на Ковчег зарабатываешь? – хохотнул Хобот. – А знаешь, есть более быстрый способ!

– Значит вечером встретимся! Мы сегодня в сорок втором обход завершаем! – мерзко хихикнул Лаки. – Ты вечером свободна?

– Я всегда занята, – хмуро ответила Алена.

– Это чем же? А то не хочешь в рестик сходить? – нагло ухмылялся сталкер. – Эх, раньше такая хинкальная рядом была!

– Лаки, отстань от нее, – вмешался Кирилл.

– Ой, а что такое? Тебе баба приглянулась?

– Она курьер, а не просто баба. Прояви уважение.

– А я с полным уважением! Но от природы-то зачем отказываться?

Алена понимала двоякость ситуации. С одной стороны, она этих ребят знала, а они знали ее. К тому же она курьер, т. е. не просто шатается словно рейдер в целях легкой наживы по улицам мертвого города, а делом занимается. К тому же Алена как-то доставляла груз и для их компании. А с другой – она одинокая девушка (Ванька не в счет) посреди пустого города, где нет ни правил, ни законов. А они – голодные до женщин мужики, вооруженные до зубов и уверенные в своей силе и правоте. И в этой ситуации нужно быть очень осторожной, тщательно следить за словами и жестами. С ними как со стаей диких матерых псов: лишние движения руками лучше не делать, но и слабинку давать нельзя. Чуть что не так – порвут горло и разорвут на куски, моргнуть не успеешь. Возможно, потом будут сожалеть, но в моменте если дикие инстинкты захватят – мозг отключится.

Лаки она не боялась. Он был мерзкий, с самодовольной ухмылочкой, тощий мужик лет сорока. Абсолютный ноль в прежней жизни, почуявший власть – самый опасный тип людей. Говорят, раньше он занимался ловлей и отстрелом бродячих животных. Несмотря на возраст, в этой стае он скорее напоминал шакала, который прибил к более сильным псам, и всячески подлизывался к вожаку, пища при случае

«Акела промахнулся!».

Гораздо большие опасения у Алены вызывал их мрачный молчаливый главарь по кличке Волк. Ему, как никому другому, это прозвище подходило идеально. Сама собой напрашивалась ассоциация с одиноким серым хищником, молча, но неумолимо преследующим жертву в ночном лесу. И хотя кличка его появилась самым нетривиальным образом – фамилия главаря была Волков – она подходила ему в самый раз. Никто не знал кто он и откуда. Просто однажды израненный Волк приполз на порог бункера сорок два. Его выходили, а когда он отлежался, так никому ничего и не рассказав, организовал группу охотников из сомнительных, но опытных типов. Теперь уже никого не интересовало откуда он появился – настолько органично вписывался Волк в роль лидера дневных охотников, ежедневно рискующих своими жизнями ради относительного порядка и пропитания выживших, что никто и не задавался вопросом – а какое у него на самом деле имя? Единственное, что о нем знали – вожак группы головорезов люто ненавидел Зверей.

– Спиногрыза на хрена тащишь? – хмуро спросил Волк.

– Оставить не с кем.

Алена смотрела в сторону. Она не могла заставить себя поднять глаза на Волка – от него исходил какой-то животный ужас. Она практически чувствовала запах звериной шерсти, ночной погони и свежей крови из разорванной аорты жертвы. Ей казалось – подними взгляд и загляни в его глаза – сра-

зу превратишься в эту жертву. Сердце начнет биться чаще, кровь застучит в висках, дыхание с хрипом будет вырывать-ся из груди, как будто стая волков несется за тобой по пятам по темным подвалам, ещё миг – и вцепится в горло. И было очень легко представить, что он и есть один из этих хищников. Огромный, с узлами-мышцами под почерневшей от солнца и пыли кожей, казалось, ему тесно в человеческом обличье.словно несовершенный скафандр человеческого тела не способен сдержать мощь его звериной натуры, и ему нужно вырваться из него. Но что больше всего пугало Алену – что-то в Волке ее притягивало.

Алена мотнула головой, сбрасывая наваждение. Волк был одним из лучших охотников и постоянно имел дело со смертью. Это не могло не наложить свой отпечаток.

– Сдохнет он. Хилый слишком, – равнодушно произнес Волк и сплюнул под ноги. Сделал шаг к Ваньке (Алена напряглась, на всякий случай приготовившись к атаке – против Волка она, конечно, ничего бы не смогла сделать, но инстинкты сработали), пальцем приподнял его подбородок, и прищурившись посмотрел в глаза. Лоб Ваньки обрамляли светлые волосы, из-под них выглядывали чистые наивные глаза, словно распахнутое небо.

– Сдохнет, – повторил он. – Слишком... – Волк поморщился, подбирая слова: – слишком добрый для этого мира. Такие долго не живут.

– Да-да, не живут, – поддакнул Лаки. – Таких только и

ждут в темных подвалах Звери, чтобы вцепиться в эти щечки!

– Смотри чтобы Звери в тебя не вцепились, – мрачно сказала Алена.

– Ты договоришься, девчонка! – оскалился Лаки, – Когда-нибудь мы с тобой останемся вдвоем, и тогда посмотрим, как ты запоешь!

Лаки сделал шаг к Алене, но споткнулся о брошенную Ванькой табличку, да так, что чуть не растянулся на песке. Охотники захохотали.

– Нашему удачливому опять не везет? – слышался голос Сиплого. Лаки метнул на него злобный взгляд.

– Остынь, Лаки, – Волк остановил своего бойца, но Алена не была уверена, что это сделано из-за заботы о ней. Возможно, просто им надо было идти.

– Ладно, пошли, туареги. – окликнул вожак своих, и не глядя на Алену, словно она перестала существовать, пошел вперед. Алена вдруг осознала, что действительно перестала существовать в этот момент для Волка, как не существовала и пять минут назад. Просто появилась в поле его зрения, дальше несколько мгновений на классификацию: враг-добыча-посторонний предмет. В том что Волк решил, что она безопасна еще до того, как она их заметила, Алена не сомневалась. Потому что, если бы он расценил что она представляет опасность или может являться добычей – она бы ничего не заметила. Просто не успела бы. Мимо, позвякивая плохо

закрепленной на спине флягой, прошел Кирилл и дружески подмигнул. Хороший парень, сейчас такие редкость. Алена смотрела как фляга на его спине подпрыгивает и бьется о поясной ремень – видно, что вояка молодой, странно что Волк еще на дал по голове за то, что вот так снаряжение болтается и лишние звуки издает. Впрочем, сама хороша, подумала Алена, вспомнив про лямку рюкзака. Надо бы не забыть пришить.

– Так что насчет вечера? – мимо проходящий Лаки на секунду задержался около нее. – Может, отметим нашу встречу?

– Лучше уж со Светляком, чем с тобой, – презрительно бросила Алена. С Лаки тоже шутить не стоило, конечно, но уж слишком ее бесили его слюнявые намеки.

– Ух, строптивая, сучка! Люблю таких! Ну ничего, еще увидимся! – он мерзко хохотнул и растворился в колышущимся от жары мареве.

Алена взяла Ваньку за руку и быстро затерялась в переулках. Не хватало ждать чтобы кто-то из них передумал быть добреньким и вернулся за легкой наживой – ребенком и молодой девчонкой. Словно призраки, они растворились в безмолвных переулках мертвого города.

– Алена, а кто такие туареги?

– Воины пустыни, – не отрывая взгляда от дороги бросила девушка.

– А почему у них повязки на лицах?

– От песка защищаются. Или чтобы не узнали. А вообще туареги таким образом защищались от злых духов.

– От Светляков? – округлив глаза спросил Ванька.

– Да-да, от Светляков, – отмахнулась Алена. Ванька тут же натянул арафатку по самые глаза.

Когда Алена посчитала, что опасность миновала, они сели в тень. Девушка достала карту и машинально отстегнула с пояса флягу, и уже по весу поняла, что воды почти не осталось. Она выругалась еще раз.

– Иван, я хочу поговорить с тобой.

Ванька внимательно посмотрел на Алену. Ясные глаза, чистый взор. Господи, как он выживет в этом мире с такими чистыми глазами?

– Мы никому не должны давать нашу воду. Ты понял?

– Даже если человек просит?

– Да! Даже если очень просит!

– А если бы мы ему не дали воды, и он бы умер?

– Да он умрет в любом случае, если вообще еще жив! – сорвалось у Алены.

Ванька замер. Бездонные голубые глаза наполнились ужасом.

– Значит надо было оставить ему больше воды!

– Эта наша вода! Наша! – Алена схватила Ваньку за ру-

кав и притянула к себе. — От нее зависит твоя жизнь, понимаешь?

— Ну и пусть! — Ванька рванулся назад, вырвав рубаху из пальцев Алены. Ее переполняла злость на Ваньку, на старика, а главное на себя, за то, что позволила этому произойти. Если бы было можно вернуться в прошлое, она бы вытрясла эту воду из старика.

— Никогда так не делай, понял меня? Слышишь?

— Что будет с тем дедушкой?

— Да он умрёт! Ты понял? И ты умрёшь, и я. Все умрут! Другого исхода нет.

Ванька смотрел на нее безумными глазами.

— Это тебе не детский сад! Здесь, наверху, жестокий, очень жестокий мир! Да и там внизу не лучше! Этого старика выкинули как ненужную вещь! Так что хватит витать в облаках! И не хлюпай носом, размазня!

Ванька утер одинокую слезу обиду, скатившуюся по щеке.

— Ты злая! — крикнул он и закрыл лицо руками.

— А ты типа добренький? Знаешь где сейчас все добрые? Здесь, под песком! Ты жить хочешь или добреньким быть?

Ванька молча всхлипывал. Повисла тишина, в которой зной висел в воздухе, а капли пота, срываясь с разгоряченных лиц, падали на песок, и казалось могли вызвать эхо, отражаясь от стен покинутых домов. Высотки обступили ребят и смотрели на них пустыми глазницами, то ли сочувствуя Ваньке, то всем своим видом показывая, что им безразлично

все происходящее здесь.

– Мама была доброй...

– Мама больше нет, а я тебе не мама, – жестко сказала она. Наверное, даже слишком жестко, но Ванька растет слишком мечтательным и добрым – нельзя таким быть в этом мире. Потом сам нить будет что пить хочет. Правильно сказал Волк – не протянет. И пусть лучше Ванька будет считать ее злой, пусть будет меньше любить. Пусть. Главное – чтобы жил.

– Пошли, солнце скоро сядет, – не глядя на Ивана сказала Алена. Она не хотела смотреть в его глаза, полные слез. – И хватит реветь.

Во дворах теней от зданий было гораздо больше, горячий воздух висел плотной пеленой. Тени удлинялись, принося с собой тревогу и ощущение, что время песком утекает сквозь пальцы. Алена всегда планировала запасные маршруты, но сейчас это оказалось достаточно неожиданно. С Ванькой не получалось двигаться так быстро, как одной, да и встреча с группой Волка отняла время. Все это в совокупности заставляло Алену нервничать. Она ощущала время словно жгут, который натягивался каждую минуту. Казалось, еще немного – и он завибрирует от легкого прикосновения ветра, издавая низкий, тревожный звук. Алена и раньше не любила

опаздывать – на работе за это штрафовали. Сейчас же штрафом была смерть. Не хотелось думать, что будет если они до темноты не доберутся до убежища.

Как на зло, из Ваньки словно ушла энергия – он плелся еще медленнее, чем раньше. Алена пару раз рыкнула на него, он спохватывался, но заряда хватало ненадолго. Алена ругнулась про себя и свернула к засохшему дереву на пересечении улиц, которое давало небольшую тень.

– Привал 5 минут, – бросила она Ваньке. – Потом надо будет ускориться. Слышишь?

Ванька обреченно добрал до дерева, молча кивнул, не глядя на Алену, и бухнулся в тень. Он по-прежнему не разговаривал с ней. Ну ничего, переживет. До места доберемся, там поспит, а к утру, глядишь, забудет обиду. А когда-нибудь он поймет, почему Алена иногда жестка с ним. Не может не понять.

Алена развернула бумажную карту. Казалось бы, не так много лет прошло с тех пор, как они вышли из обихода и человечество почти полностью перешло на смартфоны и навигаторы, самих себя сделав рабами этих девайсов. Теперь же, без электричества, все эти телефоны и ноутбуки оказались ненужным хламом, и приходилось перемещаться по памяти, да по бумажным картам. Благо, Алена хорошо знала центр, но лишний раз визуально оценить маршрут да пометить, где возникла Черная Дыра лишним не будет.

Девушка планировала переулками добраться до Серпу-

ховской, но так как из-за задержек они свернул с Ленинского слишком поздно, пришлось очередной раз корректировать маршрут, а это Алена не любила. Солнце скатилось слишком низко к западу, и высотки отбрасывали на широкую улицу длинные черные тени, погружая улицу во мрак. Алена понимала, что опасности пока нет, но еще одно правило звучало так: между быстрым и безопасным маршрутом выбирай второе. Уж тем более с Ванькой! Алена закрыла глаза, прислушиваясь к внутреннему чувству – какой маршрут выбрать? Зачастую нечто, скрытое где-то глубоко внутри, подсказывало верное решение, а точнее четко говорило, как делать не надо. Это был язык чувств и эмоций, язык мурашек по спине или спокойствия в животе. Этот иррациональный диалог с чем-то внутри себя Алена считала звериным чутьем, доставшимся ей от далеких предков, живших в пещерах и выходивших на охоту за мамонтом. Как выследить добычу в густых лесах или каменистой местности, где не остается следов? Как самому не стать добычей? Алена доверяла своему внутреннему зверю и верила: он спасет ее и подскажет правильный путь. Вот и сейчас она внимательно слушала – что там, внутри?

Внутри продолжал медленно и неотвратимо натягиваться тугой жгут тревоги. Алена постаралась отогнать все мысли и почувствовать, что конкретно не так, но вокруг жгута был вакуум – полная тишина и пустота. Скорее всего это из-за изменений в маршруте и медленной скорости, решила Але-

на. Впрочем, это ее несколько не успокоило. Она очень не любила это чувство липкой тревоги, медленно поднимающееся из глубин подсознания, налипающее на все, к чему прикасалась, притупляя звериное чутье.

Мир быстро научил Алену – страх смертельно опасен. Точнее, вот такой страх, который обволакивает разум, притупляет чувства. Есть еще другой, страх в моменте, который выбрасывает в кровь адреналин, и на определенный промежуток времени делает тебя сильнее и быстрее – это полезный страх, страх дикого зверя, он помогает выжить. Но этот был другой – не звериный, а человеческий, липкий страх. Он опасен – затуманивает разум, сковывает мышцы, увлекает в бездну отчаяния. Поддашься ему – считай пропал.

Алена стряхнула наваждение. Посмотрела на солнце, медленно, но неотвратимо падающее за город, оценила удлинняющиеся тени.

– По Садовому пойдем, – сказала она сама себе, но голос прозвучал неуверенно.

Когда они добрались до пересохшего канала, все еще было светло. С западного берега Москвы-реки солнечным лучам ничто не создавало препятствие, и они нещадно поливали набережную. Еще пару лет назад здесь катались на велосипедах, звучал смех детей, а вечерами гуляли влюбленные

парочки. Сейчас же здесь гулял только ветер, гоняющий песок по выщербленным беговым дорожкам, да забредали такие, как Алена.

Дно реки было сплошь засыпано песком, тут и там виднелись барханы – от воды здесь остались одни воспоминания. Ржавый остов теплохода с облупившейся надписью «Москва» завалился набок, полузанесенный песком. Словно мертвый кит, выброшенный на берег, он являл собой призрак былой роскоши цивилизации. В какой-то момент Алене показалось что порыв ветра принес запах реки, а с теплохода заиграла знакомая популярная мелодия, но она уже знала – это обман. Каждый раз, когда девушка бывала здесь, память оживляла картины прошлого. Никакой реки давно нет, все водоемы в городе пересохли. В памяти вспыхнула яркая картинка теплого летнего вечера: разноцветные огни фонарей, плывущий по реке пароход, запах молотого кофе из соседней кофейни и свежеиспеченных круассанов с миндалем... За то, чтобы вновь вдохнуть этот божественный аромат, Алена многое бы отдала. Чтобы вновь ощутить, как его поджаренная корочка нежно хрустит на зубах, за тот взрыв вкуса, когда на рецепторы языка попадает начинка – нежный крем. И после этого сделать глоток бодрящего капучино...

Алена сглотнула слюну и отогнала прочь видение. Да уж, подумала она, так и до беды недолго – настолько погрузиться в воспоминания! Определенно, вредная привычка.

Перед мостом Алена объявила привал и устало опусти-

лась в тень рекламного транспаранта. Не бог весть что, конечно, но куда безопаснее чем искать прохладу в одном из многочисленных зданий. Ванька отошел чуть в сторону, найдя другую тень, и бухнулся на песок.

До цели осталось совсем чуть-чуть – нужно было пересечь канал и пройти дворами с километр, и там можно будет скинуть натерший спину рюкзак. Там приют, там люди, там отдых, сон и вода. Алена поглядела на Ваньку – он снял бейсболку и обмахивался ей как веером. Ветер, дующий вдоль канала, мгновенно растрепал его белокурые волосы, вырвал бейсболку из рук и отбросил в сторону. Ванька подхватился, побежал за ней, но ее сдуло еще на пару метров. Наконец, он догнал ее и победно водрузил на голову, погрозив верту кулаком. С волос посыпались белые песчинки.

Предстояло оценить ситуацию чтобы решить, как лучше перебираться на тот берег. Алена не любила мосты – слишком открытое пространство у всех на виду, путей отхода считай нет. Вот и топай по нему, словно по шведскому столу... Нет, так Алене было не по душе. С другой стороны, песок с моста почти полностью сдувал ветер, и идти там было проще. По дну бывшей реки пересекать канал было крайне неудобно – наносы песка скрывают многолетний ил, и мало того, что идти очень сложно, при каждом шаге вытаскивая ногу из песка, так еще можно и в зыбучие пески попасть ненароком. Скоро вся Москва покроется песком, но пока есть возможность – Алена предпочитала асфальт.

Краем глаза Алена заметила упавшую рядом длинную тень и мгновенно вскочила. Рядом никого не было. И Ваньки тоже.

– Алена, смотри, где я! – слышалось сверху.

Алена в ужасе подняла глаза и увидела Ваньку на краю моста. Какого черта он туда залез!

– А ну слезай быстро! – рассвирепела она. Но Ванька как будто не слышал.

– Я король горы! – раскинув руки он подставил лицо ветру.

Порыв растрепал полы его одежды. В голове Алены пронеслась мысль что сейчас она поднимется на мост и задаст такую трепку брату, чтобы он навсегда уяснил что от нее нельзя отходить ни на шаг! Но она не успела сдвинуться с места.

Внезапно солнце стало настолько яркое, что начало слепить. Ваньку прямо-таки заливал свет, и вместе с этим светом в голове раздался оглушительный высокочастотный писк, такой, что заложило уши. Внезапно накатила такая тоска, что захотелось выть волком. Время как будто замедлилось, и Алена ясно видела, как медленно развиваются на ветру волосы брата, залитые слепящим золотым светом.

Неужели слепота? Холодный пот прошиб Алену. Она как-то слышала историю про курьера, много дней проведенного в пустыне, и в итоге подхватившим что-то типа снежной слепоты – от постоянного созерцания отражающего яркий свет

песка он ослеп. Правда, говорят, что зрение возвращается после нескольких дней отдыха, но только не в этом случае. Потеряв зрение, курьер пытался ползти на ощупь, но с наступлением темноты из нор-подвалов повылезали Звери и устроили кровавый пир. Потерять зрение, вывихнуть ногу или просто упасть в обморок от жары в этом мире означало смерть.

Но уже в следующий момент Алена поняла, что все гораздо, гораздо хуже.

Над Ванькой сформировалось яркое световое пятно. Оно было ослепительно белым, и в нем можно было угадать размытый человеческий контур. Жгут тревоги внутри натянулся до предела и лопнул со звуком выстрела. «Светляк!» – пронеслось в мозгу Алены. Она осознала эту мысль уже в движении – ноги сделали мощный толчок, взрывая песок под подошвами ботинок, направляя тело в сторону лестницы. Скорее на мост, защитить Ваньку! Чертов песок, не дающий развить максимальную скорость, чертово время, которое внезапно превратилось в кисель и ни в какую не желающее идти с нормальной скоростью! Алена видела, как Ванька медленно, словно в кошмарном сне, обернулся. Она видела, как яркое пятно двинулось к брату.

Яркая вспышка на мгновение ослепила мир. Давление в ушах достигло предела. Алена стремительно неслась к пешеходной лестнице на мост. Ваньку она больше видеть не могла, его скрыла арка моста.

Внезапно все кончилось. Время вернулось к своему нормальному течению, писк в ушах исчез. В считанные секунды Алена взлетела на мост, но он был абсолютно пуст. Ни Ваньки, ни Светляка. Алена нагнулась вниз, заметив на песке небольшой предмет. Спичечный коробок. Она приоткрыла его, и на ладонь девушки безвольно выпал жук.

– Ваня! – истошно закричала Алена.

Порыв ветра бросил к ее ногам бейсболку брата, а эхо унесло крик вглубь мертвого города.

Глава 2. Город сорок два.

«...И когда настал час шестой, тьма наступила по всей земле до часа девятого, так как не стало солнца. И в девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои, Элои! Лама савахфани? Что в переводе значит: Боже Мой, Боже Мой! Зачем оставил Ты Меня?»

Евангелие от Марка, 15, 33—34.

В убежище царил мрак. Серые холодные стены тускло освещались редкими лампами. Здесь, под землей, было существенно прохладнее, чем наверху. Попадая сюда, Алена каждый раз вспоминала, как в детстве в деревне бабушка сэкономила электричество, чтобы лишний раз не платить по счетчикам, поэтому выходя из комнаты свет нужно было гасить, да и вообще лишний раз не зажигать.

Электростанции давно не работали, электричество добывали с помощью огромных солнечных батарей на поверхности. Но их все равно с трудом хватало на поддержание жизнеобеспечения огромного подземного города. Основные мощности уходили на насосы, качающие воду из недр земли. Вода уходила все глубже, и люди, словно черви, все дальше и дальше зарывались в землю. Сверху убежище постепенно засыпал песок. Через сколько лет человеческий вид забудет

о том, что когда-то он жил на поверхности и считал себя королем этого мира? Впрочем, чтобы что-то забыть через несколько лет, до этого момента надо бы дожить, а вот с этим была проблема.

Алена лежала на жестких нарах в полутемной комнате и бездумно смотрела в потолок с облупившейся краской. Пространство было заполнено безмолвным ничем. Пустота снаружи отражала пустоту внутри Алены, в совокупности порождая вакуум. Почему-то вспомнилась идиотская детская считалочка про то, как А и Б сидели на трубе, и кто-то там упал. В конце был вопрос – что осталось на трубе? Ничего не осталось. Пустота.

С потолка еле светила тусклая лампа, с трудом разгоняя мрак. Почему мир так устроен, что маленькая лампочка вечно борется против такого огромного пространства тьмы? И хочешь не хочешь – когда-нибудь она перегорит, и никогда не знаешь, когда это случится.

В дверь постучали. Алена не ответила. Скрипнув ржавыми петлями, дверь немного приоткрылась.

– Я думал, ты спишь, – услышала она знакомый голос.

– Тогда зачем пришел? – не глядя на вошедшего ответила Алена.

– Хотел поговорить с тобой. Узнать, как дела.

– А то не знаешь как мои дела?

В ответ послышался тяжелый вздох. Алену хорошо знали во всех ближайших убежищах. Люди редко выходили на по-

верхность, ничего нового внизу обычно не происходило, поэтому курьеры были основными источниками информации, особенно когда ломался радиопередатчик. Новости внутри разносились мгновенно, поэтому, как только Алена переступила порог бункера, весть о ее пропавшем брате моментально облетела весь подземный город.

Город сорок два образовался стихийно. Когда песок стал засыпать улицы Москвы, а люди превращаться в кровожадных зверей, остатки выживших покинули свои дома. Теперь элитные высотки, древние хрущевки и старинные усадьбы были заселены другими жителями, жадными до плоти соседей. Люди баррикадировались, создавали завалы, укрепляли стены и двери – но Зверей это не останавливало. С приходом ночи они выбирались из своих берлог, и начинался хоромовод смерти, наполнявший город предсмертными криками. Но и день не приносил облегчений – Звери передвигались по подвалам, веткам метро, канализациям, прогрызая ходы в жилые пространства в поисках пищи. И люди переселились в подземные бомбоубежища. За их толстыми бронированными дверьми на глубине десятков метров выжившие могли чувствовать себя в относительной безопасности. Ночью отсиживались, днем выходили на поиски еды и воды, но вскоре искать стало негде. Те дома, что не были заняты Зверьми, были обысканы и выгреблены подчистую, но в большинстве зданий кишмя кишели Звери, словно паразиты, занявшие тело города.

Только отряды охотников могли позволить себе зайти в небольшое темное пространство, в котором могла быть пара особей, и то по острой необходимости – никто не хотел стать жертвой острых зубов и когтей.

А потом появились Светляки, и постепенно люди практически перестали выходить на поверхность. Замерли, словно испуганные мыши в норах, безропотно ждущие, когда пробьет час их смерти.

В подземных городах начали появляться лидеры. Они сплотили людей, наладили производство еды, сформировали бригады рабочих по добыче воды, организовали порядок и торговлю между убежищами. Вновь появилась работа, какие-никакие развлечения, и даже церковь.

Алена не первый раз была в убежище сорок два, и по голосу поняла, что к ней в гости пожаловал святой отец Игорь. Впрочем, внешне сложно было догадаться о его святости, и вполне можно было спутать с любителем тяжелого металла. Игорь был одет в косуху, под которой носил внушительного размера крест. На ногах его были кожаные штаны, украшенные цепью. Говорят, в прошлом он был заядлым рокером, пел в какой-то известной группе, но потом подсел на наркотики и долгое время реабилитировался. Потерял все – славу, деньги, здоровье и молодость, но, по его словам, нашел нечто большее – правда Алена никак не могла понять что. Несколько лет бывший рок-идол прожил в монастыре, и вот теперь внезапно возглавил местную подземную церковь. Здоровый,

под два метра ростом, с печальными глазами, Игорь напоминал ей сам город – некогда величественный и могучий, а ныне сломленный и осунувшийся.

Игорь присел на металлический табурет рядом с кроватью.

– Что ты чувствуешь? – спросил Игорь

– Пустоту. Боль. Ненависть.

– Ты должна принять это, Алена. Я знаю, это тяжело, но рано или поздно тебе придется пойти внутрь себя и принять.

– Что принять? – хмуро спросила девушка.

– То, от чего ты бежишь.

– Откуда тебе знать, от чего я бегу?

– А я и не знаю. У каждого свой путь, у каждого свой бег. Я не могу проникнуть внутрь тебя и познать твою боль. Но у меня есть своя.

– Так от чего бежишь ты?

– От зла. Я не умею принимать его. Я боюсь зла. Боюсь, что не справлюсь, что оно поглотит меня. И тогда – какой я священник?

– Мне не от чего бежать, – отстраненно ответила Алена. – Чтобы от чего-то бежать, нужно чего-то бояться, чего-то хотеть, на что-то надеяться. А на что надеяться мне? В мире для меня больше нет ни света, ни надежды. Осталась только тьма.

– Если есть тьма, должен быть и свет. Если есть ненависть – есть и любовь.

– Ванька был моим светом...

– Свет внутри тебя, Алена. Сейчас он глубоко внутри, и ты его не видишь. Наберись смелости заглянуть туда! Для этого тебе придется пройти долгий путь, но, если ты будешь верить – ты придешь.

– Да откуда ты знаешь, что там внутри? – не выдержала Алена. – Там тьма, пустота, там пустыня, выжженная огнем. Ничего больше не осталось – ни любви, ни жалости.

– Не заливай это чувство гневом, – смиренно ответил Игорь.

– А чем еще? Чем? У меня больше не осталось желаний кроме одного – отомстить!

– Знаешь, что отличает нас от Зверей? – неожиданно спросил Игорь. И видя, что Алена молча смотрит на него, сам ответил: – Право выбора. Мы можем выбирать.

– Да ничего мы не можем! – сорвалась Алена. – За нас уже все выбрали! Где, где здесь выбор? Я не могу выбрать пойти мне сегодня вечером в кафе или спрятаться в грязном бункере, боясь быть съеденной заживо! Я не могу выбирать отдыхать мне или работать, потому что, если я не буду доставлять посылки мы с братом умрем с голоду! А теперь я не могу даже выбирать заботиться о брате или нет, потому что его больше нет, понимаешь? Его нет!

В комнате повисла тишина.

– Я не могу выбирать между любовью и ненавистью, потому что кроме ненависти этот мир не оставил мне ничего

другого.

– Это твоя Темная Ночь Души.

– Что?

– Это время, когда душа человека пребывает на дне. Когда чаша страданий переполнена и утягивает вниз. Это хорошее время.

– Что же в нем хорошего?

– В том, что дальше дна двигаться некуда. И теперь только ты делаешь выбор – остаться на дне или оттолкнуться и всплывать на поверхность.

– А если не видишь смысла всплывать? – спросила Алена. Игорь загадочно улыбнулся.

– Смысл всегда есть. Именно за ним ты и погрузилась на дно.

Здесь, на дне, не было смысла. Здесь не было ничего. Абсолютная пустота, заполненная злостью – на себя, за то, что не уберегла Ваньку. На мир, за то, что стал таким. На Игоря, за то, что все это ей говорит.

– Самый темный час перед рассветом. Поверь мне. Я тоже проходил свою Темную Ночь Души.

Глядя на Игоря в это можно было поверить. Но вот в то, что он выбрался с этого дна Алена не верила.

– Мне от твоей философии не хуже и не лучше. Все это не имеет смысла, – безэмоционально произнесла Алена.

– Не хорони себя, – сказал Игорь и добавил: – ты нужна нам.

– Как кто? – без единой эмоции спросила Алена. Игорь помялся.

– Как человек. Как часть нашего сообщества. Как курьер, в конце концов.

– Сообщество? Это так ты называешь медленно умирающие остатки выживших? – усмехнулась Алена.

– Не юродствуй! Все в руках Божьих! Но и мы должны постараться, чтобы не пропасть.

– Уже постарались.

– Значит, старались без веры. Ты готова попробовать еще раз?

– Что попробовать? – не поняла Алена.

– Нам нужна твоя помощь.

– С этого и надо было начинать, – брезгливо поморщилась Алёна. – А не с бессмысленных разговоров о спасении души. Значит, я вам нужна как человек?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.